

Нина САДУР – Марина ЗАБОЛОТНЯЯ

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Н. Садур

ИЗ ДОСЬЕ

Нина Николаевна Садур – российский драматург, прозаик и сценарист. Член Союза писателей СССР, Член Русского ПЕН-Центра, Лауреат премии журнала «Знамя» (1997). Писать начала с конца 1970-х годов, печататься – с 1977 года. Первая ее публикация была в журнале «Сибирские огни».

В 1983 году окончила Литературный институт им. А.М. Горького, где занималась в семинаре В. Розова и И. Вишневской. В начале своей творческой карьеры, еще не будучи любимой ученицей Виктора Розова, ей пришлось устроиться в один из столичных театров мыть полы чтобы заработать на жизнь...

...Двадцать лет назад, после ошеломляющей постановки В. Туманова «Лунных волков» на сцене Молодежного театра на Фонтанке,

вышло интервью с Ниной Садур, которое называлось «Искусство – дело волчье» (Садур Н. «Искусство – дело волчье» // Петербургский театральный журнал, 1993, № 3, С. 11.). Чтобы понять, насколько изменилась интонация эпохи, приведу из него отрывок.

«...Н. Садур. Когда меня сравнивают с абсурдистами – это неправильно. Театр абсурда весь выстроен на жесткой логике. А мои пьесы совершенно иные, на импульсе. На импульсе чувствования, которое родит мысль. Поэтому никакой холодно-мозговой логики там искать нельзя. Мои пьесы совершенно не западные. Уж если и говорить о близости или родстве кому-то – это обзриуты. Петербург – это моя вечная боль. Я никогда не смогу им насытиться. Наверно, есть еще какой-то Петербург – мой, индивидуальный. Я его должна еще в себе найти.

М. Заболотняя. Вы будете «литературно» его искать?

Н.С. Я мечтаю здесь жить. Чтобы мне питаться чем-то, мне надо пожить одной. И раствориться. Я знаю, что это совершенно мой город. Он со мной шутит. Он меня водит.

М.З. Больной город.

Н.С. Больной? Да. Сейчас все больное.

М.З. Но этот город – особенно.

Н.С. Значит, эта болезнь мне подходит.

М.З. А в Москве где вы живете?

Н.С. На Суворовском бульваре. Там рядом усадьба, где умер Гоголь. Она примыкает к моему дому. Потрясающе, правда? До этого я жила недалеко от Патриарших прудов, там же, совсем рядом, жил Малюта Скуратов. То есть – средоточие зла. Патриаршие пруды – это не Булгаков, это Воланд. Я жила в треугольнике зла. Там было ужасно.

М.З. Но ведь рядом церковь, где венчался Пушкин.

Н.С. А она без креста. Она была мертва. Не было спасительной ауры...»

2012 год.

М. Заболотная. И какой же это был театр?

Н. Садур. Я мыла пол в Театре им. Пушкина сразу по окончании Литинститута. Про это моя пьеска-малютка «Замерзли» и цикл рассказов «Проникшие». К сожалению, меня выгнали с должности уборщицы, а-то я бы мыла там пол до сих пор...

— Что с тех пор изменилось в нашей жизни? В век торжества непрофессионализма?

— С тех пор много чего менялось. Была, как наваждение – оглушительная слава. Она выражалась в том, что ко мне домой приходили толпы людей со всего Советского Союза. Не могу сказать, что всегда приятные были эти люди. Было много чудесных постановок по моим пьесам. Выходили книги прозы (правда, с гробовым молчанием критики, хотя... «Коммерсант» что-то такое ядовитое написал про мою книгу прозы «САД»). Потом меня резко перестали печатать (имею в виду прозу) и не печатают до сих пор. Согласно «Коммерсанту», я «неактуальный писатель». Я предлагала Ирине Прохоровой издать книгу новой прозы. Она любезно ответила на письмо. Но не издала. Видимо, она разделяет точку зрения «Коммерсанта» на мое писательство. Старые мои пьесы идут хорошо по стране, слава Богу, а две новые «Летчик» и «Доктор сада» никому не нужны.

Непрофессионализм, – это не просто во всех сферах искусства, но он утверждается, как, якобы стиль, новое видение, авангард. Пожинать плоды этого авангарда еще предстоит. И, думаю, довольно скоро. Думаю, все это крушение, что мы наблюдаем в нашей культуре, происходит от постмодернизма (московского пошиба). Один мой друг, театральный художник Анатолий Шикуня, тонко и точно заметил: «Вся эта новая драма, от пьесы до постановки, лишена чувственности». Физиологизм, низовая тема нечувственны, они, скажем так, назойливы, часто похабны и абсолютно античеловечны. Задача нового искусства – уничтожение человека. Личности. И это очень агрессивная тенденция. Она к нам с Запада идет, от маргинальных образцов. Новое искусство, к тому же делаемое непрофессионалами, по сути своей, маргинально.

Только произошел перевертыш. Само по себе оно вполне официозно, профессионалы же как раз и стали маргиналами. Кто у нас тут в Москве есть? Фоменко был, Туминас, Васильев – то ли есть, то ли нет (не вижу, чтоб театральная общественность бурлила и ждала его...) В Петербурге – Фокин, Туманов. В Вильнюсе – Юрий Попов. В Улан-Удэ – безумный и прекрасный режиссер Анатолий Баскаков. Перечислила и вижу – не так мало для русского театра. Но речь-то не о них. РЕЧЬ НЕ О НИХ ВООБЩЕ. Чувство, что их снисходительно терпят...

— Каждое время имеет свою новую драму. Как вам кажется, какая драма нужна сегодня нашему театру и зрителю (это ведь не тождественные – увы – объекты)?

— Да. Каждое время имеет свою драму. Наверное, сейчас время свирепых маргиналий.

Мне кажется, ощущается большой голод по человеческой пьесе во всем многообразии жизни. Я пыталась в «Докторе сада» про это писать. Пока это не нужно...

— Что в театре первично – текст или самовластье режиссуры?

— В театре однозначно первична пьеса. Тексты новой драмы вообще ни на что не претендуют. Это одна из черт уничтожения человека. Это очень агрессивно по отношению к человеку. Чем это кончится, я не знаю. Это готовая форма или сырье для создания живого организма, который называется спектаклем? Что-то сейчас происходит в природе творчества. Товстоногов, например, чтит примат автора. Он взрывал текст изнутри, изменяя жанр, интонацию. Уважение к литературному слову на театре было. Это касалось не только классики. Сегодня эта трепетность не то что утеряна, она просто не актуальна. Тексты новой драмы априори не претендуют быть великой литературой.

— Может ли драматургия существовать без театра?

— Да, драматургия может и должна (в виде книг) существовать без театра. Простите, я на собственном примере – все мои пьесы в первую очередь для глаз, для чтения, они литература.

— **Вы когда-нибудь говорили себе: «нужны новые формы»? Когда писали первые пьесы – кем себя ощущали – Тригориным или Треплевым?**

— Никогда не говорила ни про какие новые формы. Всегда писала, как ПОЛУЧАЛОСЬ. Специально ничего нового создать невозможно. Придумать да, можно. Но не создать. Потому что есть тайна творчества, хочет этого новая драма или нет. Без тайны нет творчества. И там НЕ придумывается. Оно как-то само все устраивается в вещи, пока она пишется. Единственное (повторюсь) остро чувствую, что в обществе назрела потребность в теплой, человеческой истории. Когда писала первые пьесы, я там чуть с ума не сходила. И никем себя не ощущала – смесь восторга (от самой себя) и ужаса (от себя же).

— **Взаимоотношения театра и драмы – конфликтны имманентно?**

— Конфликтны, да. Но я не лезу. Если вижу хамское обращение с моей пьесой (по рецензиям, по самодовольным высказываниям режиссера), просто не смотрю спектакль. У меня нет сил ничего объяснять никому. Силы только на творчество.

— **Существует ли формула идеального для вас театра?**

— Две формы моего идеального театра: театр Васильева (который никогда меня ставить не будет) и театр Фоменко (открывший миру мою «Панночку») А, скажем, театр Марка Захарова всегда был чужд. Казался вульгарным, что ли...

— **Следите за современным театром?**

— За современным театром не слежу, или так, вполглаза, вполуха. За литературным процессом – тем более. Там еще круче замес графомании, чем на театре.

— **Ольга Михайлова, основатель Театра. Дос., сказала, что сегодня много хороших драматургов. Что современная драма закономерно изменилась, ибо изменилась природа конфликта. Скажем, был конфликт между человеком и обществом, сегодня он исчерпан. Да и герой мельчает (или убывает). Поиски вины – в конфликте драмы. Раньше на вопрос: «кто виноват?» отвечали: «система» и т.п. Теперь – «виноват**

я сам». А, главное, сегодня в любви нет необходимости. Что вы думаете по этому поводу?

— Ну, сказала. Так ведь это не я сказала. С нее и спрос. А я думаю – человек неисчерпаем и непознаваем. И вновь, как дятел, талдычу – весь этот постмодерновый авангард нацелен на одно – уничтожение человека. Личности.

— **Что в современном театре вас особенно раздражает, а что кажется небезнадежным, плодотворным?**

— Меня ничего не раздражает в современном театре. Потому что я не смотрю его. Но, кстати, вот была на фестивале у Олега Рыбкина в Красноярске, и, пусть это не мое, – но молодые люди талантливы. Но очень-очень не мое.

— **Должна ли академическая сцена диктовать театральный формат? Должна ли драма соответствовать сценическому пространству?**

— Конечно, не должна академическая сцена диктовать свой формат. Только, боюсь, что академической сцены скоро не станет. Там ведь необходимы профессионалы, как ни крути. А где их брать-то?

Но я почему-то смутно ощущаю, что будет ренессанс академизма на театре. Причем это давнее чувство, где-то с 1990-х годов.

— **Не думаете ли вы, что новая драма должна идти на новых сценах, а не в многоярусном, бархатном театре. Императорская сцена и современный текст – несовместны?**

— Безусловно, новая драма должны идти в новом пространстве, пригодном только для нее, для новой. А бархат и золотую лепнину я бы с удовольствием взяла себе, для своих постановок...

— **Насколько ревниво вы относитесь к своим текстам? Допускаете ли вольное обращение с ними в процессе репетирования?**

— Нет, не допускаю никаких изменений в текстах моих пьес. Но меня мало об этом спрашивают. Поэтому стараюсь не смотреть постановки моих пьес.

— **Кто-то из драматургов доволен любой постановкой своих пьес. А вы?**

— Нет, конечно. Я не могу быть довольна любой постановкой своей пьесы.

— **Был ли случай абсолютного совпадения сценического варианта и вашего внутреннего?**

— Ни разу не было точного совпадения пьесы и спектакля. Но были чудные спектакли и довольно много. Но точных совпадений никогда не было. Это невозможно.

— **Пьесы – отражение вашего внутреннего мира? Вы пишете о себе? Хочется ли заниматься экзгибиционизмом, показывая свое нутро всему миру?**

— Экзгибиционизм – это и есть главное свойство постмодернизма, в том числе, новой драмы. О себе ЛИЧНО писать неприлично и неинтересно.

— **Когда вы пишете, работает метод Булгакова – коробочка, в которой оживают фигурки? Вы мысленно ставите свои пьесы?**

— Я «коробочку» не вижу... это, скорее, где-то в глубине мозга... греза такая, угадывание по началу. А потом, когда персонажи уже окрепли (к концу первой картины) они начинают жить в реальности, но не нашей... не умею объяснять творческий процесс. Но «коробочку» точно, не вижу! И пьесы свои никогда не хотела ставить. Я даже не понимаю, как это делается. Я люблю только писать.

— **Мой любимый драматург В. Сигарев сказал мне: «Драматург обречен не быть современником». А вы чувствуете, что опаздываете, отстаете от настоящего? Или вы живете в Большом Времени искусства?**

— Мне Сигарев тоже нравится. Его, кстати, открыл Театр. Дос. Он правду сказал, что драматург (писатель, художник) проскакивает текущее время. Это по поводу актуальности. Актуальна журналистика, а искусство создает миры, которых никогда нигде не было. И художник делает это исключительно для удовольствия.

— **В азарте пересочинительства классики (я имею в виду ваши отношения с Гоголем: написали «Панночку» по «Вию», «Мистификацию» по «Мертвым душам») не возникает конфликта с реальностью?**

Вы же сочиняете свой мир. И что вас сегодня толкает писать?

— Я никогда (смею надеяться) не пересочиняла классиков. Я сейчас так думаю – такое мое личное литературоведение, только в творческой форме. Мне скучно жить просто так. Творчество – это огромная радость. Счастье. Кто пробовал, тот знает...

— **Из встреч с режиссерами кто вам окзался ближе? Захаров, Туманов, Стукалов...**

— Туманова очень люблю. Стукалов очень хорош (театральный режиссер и педагог, художественный руководитель коллектива «Наш Театр» – **М.З.**). Захаров резко не мой, он все-таки весь из КВН. Еще мне нравятся Клим и Сергей Ковалевич (театральный режиссер, методолог музыкально-драматического театра, педагог, директор творческого центра «Мастерство песни», Львов, Украина – **М.З.**), который работает в Школе драматического искусства – это подвижники театра.

— **Что вы думаете о современном состоянии театра?**

— О страшном стараюсь не думать.

— **Нравится ли вам настоящее время?**

— Настоящее время мне дико не нравится.

— **Ваша связь с театром стала ослабевать. Есть на то причины?**

— Причина та же самая – новая драма занята изничтожением (уничтожением) человека. А для меня человек всегда остается тайной. Поэтому так слабо мы видим друг друга: современный театр и я.